

Владимир-на-Клязьме и художественная жизнь Москвы XIV–XV веков

© 2020

УДК 94(470.314-25+470-25)"13/14"
ББК 63.3(3)4

Поступила в редакцию 06.04.2020

*«Чем реже находим в летописях известия
о состоянии художеств в древней России,
тем они любопытнее для Историки».*

Н. М. Карамзин

Память о прошлом у людей русского Средневековья, как и у наших современников, относилась не только к числу естественных человеческих переживаний, но и играла существенную роль в формировании политических стратегий. Особой «исторической памятью» традиция наделила два столичных города, Киев и Владимир-на-Клязьме. Только они в летописях удостоились сходных характеристик, «мати градомъ рускими» [ПСРЛ. Т.1. 1962. Стб. 23]¹ в первом случае и «многославнии Володимеръ мати градомъ» во втором [ПСРЛ. Т.15. 2000. Стб. 181]. «Матерью городов» русские тексты именуют, кроме них, только Иерусалим, столицу христианского мира [Данилевский, 1997. С. 103–104]² — таким образом летописцы подчеркивают особое положение Киева и Владимира среди прочих городов Руси.

Оба «града» прожили сходную судьбу. В эпоху распада государств, в первом случае «Русской Земли», во втором Владимиро-Суздальского великого княжества, прежние столицы эволюционировали из полновластных центров в номинальные, за обладание которыми тем не менее между князьями Рюриковичами шла острая политическая и вооруженная борьба. Владение «матерью городов» означало первенство их держателя среди прочих князей и титулование его великим князем, Киевским или Владимирским (собственных княжеских династий ни в Киеве, ни во Владимире не было).

1 Характеристика Киева как «мати градомъ» известна не только летописям, но и иным памятникам древнерусской литературы [Назаренко, 2009. С. 105].
2 О «сакральной» ипостаси Киева см.: [Данилевский, 2000. С. 36–37].

Изучение исторических обстоятельств, связанных с соперничеством князей за Киев, показывает, что причины его носили не бытовой, а глубоко политический и даже символический характер [Івакін, 1996. С. 49–50]. Сходная картина рисуется и при знакомстве с прошлым Владимира, «в немъ же и князи велицїи Русстїи первосѣданїе и столь земля Русскыя прїемлють, иже великїи князь всея Руси наименовається, ту бо первую честь прїемлетъ» [ПСРЛ. Т.15. 2000. Стб. 181].

С распадом великого княжения после кончины в 1212 г. великого князя Всеволода Большое Гнездо во Владимире в разное время сидели его потомки, удельные князья переяславские, суздальские, тверские, городецкие и московские, которые, как и ранее держатели Киева, оставались «в своих городах и... не стремились во Владимир так же, как в свое время владимирские князья, получив титул великих князей киевских, оставались у себя во Владимире» [Сахаров, 1959. С. 49]. С утерей великокняжеского титула князья лишались и великокняжеского домена, включая, естественно, столицу, Владимир [Насонов, 1940. С. 94; Горский, 2016. С. 57–58].

Ситуация кардинально меняется в великое княжение Дмитрия Ивановича Донского (1363–1389) из московской ветви потомков Всеволода Большое Гнездо. При нем великое княжество Владимирское перешло в полное распоряжение Москвы и в итоге слилось с домениальными владениями Калитовичей, перестав существовать как особая административная единица [Кучкин, 1984. С. 144].

Утвердилось мнение, что именно герой Куликовской битвы «первым встал на ту точку зрения, что только Москва является наследницей Владимира», в связи с чем «во второй половине XIV и начале XV в. Москва неустанно занята возрождением всего политического и культурного наследия Владимира» [Лихачев, 1947. С. 290].

В связи с последним всегда особое место отводилось белокаменной владимирской архитектуре XII–XIII вв., служившей прямым образцом московским зодчим XIV–XV вв. [История русского искусства, 1955. С. 54–55]. Реалии, правда, таковы, что между 1389 г., годом составления Дмитрием Донским духовной грамоты, по которой великий князь впервые передал великое княжение по наследству сыну, Василию Дмитриевичу и вплоть до великого княжения правнука Дмитрия Донского, Ивана III (1465–1505) источники не сохранили никаких известий о заботе московских князей о владимирской архитектуре, и самого Владимира, и двух других городов великого княжения, где имелись белокаменные храмы домонгольского времени, Юрьева-Польского и Переяславля-Залесского³.

Самое раннее сообщение об инициированном Москвой ремонте «архитектурного наследия» на землях уже не существовавшего к тому времени великого княжения Владимирского относится только к 1469 г. В этот год «предстательством» известного московского подрядчика и зодчего Василия Дмитриевича

3 О городах на территории великого княжения см.: [Кучкин, 1984. С. 142–143].

Ермолина во Владимире были обновлены «двѣ церкви камены, Воздвиженіе въ торгу, а другую на Золотыхъ Воротехъ». Тот же В.Д. Ермолин в 1471 г., на этот раз уже, что подчеркнута летописью, «повелѣниемъ князя великого» «во градѣ Юрьевѣ въ Полскомъ... церковь камена святыи Георгии, а предѣль Святая Троица... розвалилися... ..те цѣркви собралъ ...изнова и поставилъ какъ и прежде» [ПСРЛ. Т.23. 2004. С.159].

В историографии миссии В.Д. Ермолина придается огромное значение как прямому свидетельству заботы московских князей о «владимирском наследии» [История русского искусства, 1955. С. 52, 54–55]. При этом стоит обратить внимание на следующее обстоятельство: ремонтно-реставрационные работы 1469 и 1471 гг. коснулись далеко не всех, а во Владимире явно второстепенных и не самых известных объектов белокаменного архитектурного наследия Владимиро-Суздальской Руси.

Что касается «сборки изнова» московским зодчим построенного между 1230 и 1234 гг. Георгиевского собора Юрьева-Польского, то надо признать, что храм мог «розвалиться» только в случае полной потери интереса и к нему, и к городу в послемонгольское время.

О состоянии к последней четверти XV в. ни одного из иных храмов на территории великого княжения летописец не отзывался столь апокалиптически.

Изначально скромные размеры Юрьевского удела (и, добавим от себя, его главного храма) полностью соответствовали скромной роли юрьевских князей в политической жизни Руси XIII–XIV вв. Кратковременное процветание продолжалось недолго, и уже к моменту распада Владимиро-Суздальского княжества «Юрьев был далек от того, чтобы его считали завидным уделом» [Тихомиров, 1956. С. 412]. Около 1340 г. удел вошел в состав великого княжения и при Дмитрии Донском стал частью владений князей московского дома [Кучкин, 1984. С. 237–239].

Летописи при этом не упоминают никаких сколько-нибудь значимых политических событий, происходивших в XIV в. в Юрьеве-Польском. И здесь печальная судьба Георгиевского собора не была единичным примером зависимости состояния храма от политических реалий. Так, к 1194 г., в пору княжения Всеволода Большое Гнездо и утери древней столицей Северо-Восточной Руси, Суздаем своих политических позиций в пользу Владимира, «опадала старостью и безнарядьемъ» сооруженная еще его отцом, великим князем Юрием Владимировичем Долгоруким «церкы стая Бца» [ПСРЛ. Т.1. 1962. Стб. 411], суздальский Рождественский собор. Последний, правда, был вскоре восстановлен великим князем.

Летописный рассказ о поездках В.Д. Ермолина отмечает, повторимся, «реставрацию» им храмов Владимира и Юрьева-Польского, но ничего не сообщает о визите московского зодчего в третий город великого княжения Владимирского, Переяславль-Залесский. Стоящий здесь старейший памятник белокаменного зодчества на исторической территории «Суздальской земли», Спасо-Преображенский собор, заложенный еще великим князем Юрием Владимировичем Долгоруким много ранее «розвалившегося» Георгиевского

собора, в 1152 г. [Воронин, 1961. С. 77–90], очевидно, в «поновлении» в XV в. не нуждался. На самом деле, в отличие от Юрьева-Польского, Переяславль-Залесский постоянно пребывал в фокусе политической жизни Руси.

Так, в 1374 г. в Спасо-Преображенском соборе был крещен второй сын великого князя Дмитрия Ивановича, Юрий Дмитриевич, и в Переяславль-Залесском, кроме родителей и деда новорожденного по матери, суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича с родней и свитой, естественно ожидаемых на семейные торжества, «бьяше създъ великъ», на который «отъвсюду съехашася князи и бояре» (курсив мой. — А.Л.) [ПСРЛ. Т.15. 2000. Стб. 51]. Исследователи сходятся во мнении, что на «съезде», формально по случаю «радости» в великокняжеском семействе, принимались важные политические решения, связанные с совместным противостоянием Орде [Греков, 1975. С. 63–64; Кучкин, 1980. С. 97; Горский, 2000. С. 90].

Переяславль-Залесский дважды жаловался великими князьями православным литовским князьям, служившим Москве, в 1379 г. Дмитрием Донским трубчевскому князю Дмитрию Ольгердовичу «со всѣми его пошлинами» [ПСРЛ. Т.15. 2000. Стб. 138] и в 1405 г. Василием Дмитриевичем Александром Ивановичу Нелюбу из рода князей Гольшанских [ПСРЛ. Т.18. 2007. С. 151]. Вряд ли новые «слуги» московских князей получали новое владение с «розвалившимся» соборным храмом столицы удела. В 1448 г. Василий Васильевич Темный, первым из великих князей пожаловал таким же великокняжеским титулом восьмилетнего наследника стола, князя Ивана Васильевича, будущего Ивана III, с передачей ему в управление Переяславля-Залесского как, надо понимать, «стольного города» [Семенченко, 1985. С. 51, 54–55].

Все это несомненно способствовало поддержанию достойного внешнего облика Спасо-Преображенского собора, несмотря на отсутствие летописных известий о ремонтах.

Примечательно, кстати, что после казни в Орде в 1339 г. тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора тела погибших по пути на родину отпевались в соборных храмах великого княжения Владимирского, которым покойный владел до 1327 г., столичного Владимира и Переяславля-Залесского и не завозились в третий город великого княжения, Юрьев-Польской [ПСРЛ. Т.15. 2000. Стб. 51].

Похоже, отличным от Георгиевского собора Юрьева-Польского образом дело обстоит и с большинством белокаменных памятников владимирского зодчества домонгольского времени. Показателен с этой точки зрения скромный объем работ 1469 г. «предстателя» В.Д. Ермолина во Владимире. «Обновлены» были, как помним, всего два храма, Ризположения на Золотых Воротах и Воздвижения на Торгу. Между тем в городе к этому времени стояли еще шесть-восемь домонгольских белокаменных церквей [Раппопорт, 1982. С. 51–59; Куприянова, 2005. Т. 9. С. 58–59]. Отремонтированные же В.Д. Ермолиным объекты «владимирского наследия» не только не были в прошлом причастны к политической жизни великого княжества, но и не относились к числу значимых.

Если церковь Ризположения на Золотых воротах (1158–1164), хотя и в значительно перестроенном виде, сохранилась и привлекала внимание исследователей [Воронин, 1961. С. 141–145], то не дошедший до наших дней храм Воздвижения на Торгу обычно даже не упоминается среди памятников владимирского белокаменного зодчества [Раппопорт, 1982. С. 51–59; Куприянова, 2005. С. 58–59], и интерес к нему Москвы «кажется... необычным... так как он отнюдь не является сколько-нибудь известным или значимым памятником Владимиро-Суздальского зодчества» [Выголов, 1989. С. 71–72]. Сведения о возведении Воздвижения на Торгу во втором десятилетии XIII в., впрочем, несколько противоречивые, есть в летописании. «Обновленная» В.Д. Ермолиным церковь была, судя по всему, весьма скромных размеров — храм выстроили всего за четыре месяца⁴.

Что же до состояния ко времени великого княжения Ивана III прочих белокаменных храмов Владимира XII в., Успенского и Дмитриевский соборов, церковей на посаде и соборных храмов владимирских монастырей, то, судя по тому, что московский зодчий ими не занимался, они пребывали в удовлетворительном состоянии и в ремонте не нуждались. Так что, несмотря на отсутствие письменных свидетельств о заботе московских князей о памятниках владимирского зодчества ранее 1469–1471 гг., нет оснований думать, что они пребывали в руинированном, подобно Георгиевскому собору Юрьева-Польского, или неподобающем их статусу состоянии⁵.

Относительно Успенского собора последнее представляется особенно очевидным. В 1472 г., всего три года спустя после ремонта В.Д. Ермолиным владимирских храмов, русские «мастера каменосѣчцы», а в 1475 г. итальянский «муроль» Аристотель Фиораванти, возводившие Успенский собор в Московском Кремле, специально ездили во Владимир с целью его измерения и осмотра [ПСРЛ. Т. 18. 2007. С. 237–238; Т. 20, часть 1. 1910. С. 302]. Кремлевский собор возводился «в меру» владимирского и уже одним этим был призван воплотить церковно-политическую преемственность Москвы [Баталов, 2002. С. 357–358; он же, 2003. С. 43]. Если бы состояние Успенского собора Владимира вызвало беспокойство, «обновление» «владимирского наследия» начали бы, несомненно, именно с него, а не с самых незаметных храмов бывшей столицы великого княжения.

Среди храмов «многославного Володимера» «соборнаа церкви Пречистыя Богоматери... златоверха же именуема, пять бо верховъ златыхъ

- 4 Московский летописный свод конца XV в. относит строительство храма к 1218 г.: «В лѣто 6726. Великий князь Костянтинь Всеволодовичъ заложи въ Володимери на торговици церковь камену Въздвигение честнаго креста мая 6, того же лѣта и съвершена бысть сентября 14 и священна» [ПСРЛ. Т. 25. 2004. С. 115]. Во Владимирском летописце, своде XVI в., аналогичному рассказу о строительстве церкви Воздвижения предшествует другой, датирующий работы 1213 г. и называющий ктитором храма князя Святослава-Гавриила Всеволодовича, который «постави камену святого Георгия и другую въ Володимери Въздвигение Честнаго Креста» [ПСРЛ. Т. 30. 1965. С. 83–85].
- 5 Ср.: «Московские князья... принимали до 1432 г. великокняжеский титул под ветхими сводами владимирского Успенского собора» [Лазарев, 1973. С. 38].

имѣя» [ПСРЛ. Т. 15. 2000. Стб. 181], возведенная при Всеволоде Большое Гнездо между 1185 и 1189 гг., занимала первенствующее положение.

Изначально кафедральный храм Владимирской епархии, с переездом в конце XIII в. митрополитов из Киева в Северо-Восточную Русь, собор превратился также в первенствующий храм Митрополичьей области, канонической территории, пребывавшей в прямой юрисдикции глав русской церкви [Веселовский, 1947. С. 332; Кузьмин, 2015. С. 15–17; он же, 2017. С. 436–440].

В 1354 г. митрополит Алексей получил в Константинополе патриаршее соборное определение, которым Владимир провозглашался «вторым седалищем и местом постоянного пребывания» глав русской церкви после Киева [Русская историческая библиотека. Т. 6. Прилож. 12. Стб. 65–70], окончательно закрепившее высокий статус древнего храма [Баталов, 2002. С. 356].

Князь — временный держатель великого княжения обычно не вкладывал средства в украшение Владимира, «который не сегодня-завтра придется покинуть навсегда» [Борисов, 1976. С. 73–74]. Наверное, относительно тех князей, которые занимали великокняжеский стол до московских Рюриковичей, это справедливо. Но второй держатель великого княжения из князей московского дома, Иван Данилович Калита, и его наследники явным образом не сторонились «владимирского наследия», и в первую голову Успенского собора.

Москва, что интересно, не покушалась на святыни владимирского Успенского собора.

Не считая перенесения в 1395 г. в Успенский собор Кремля храмового образа Владимирской Богоматери, вызванного чисто политическими обстоятельствами, ожиданием нашествия на Русь армии Тамерлана и, возможно, временного (в XV в. икона неоднократно отпускалась из Москвы во Владимир и возвращалась назад [Вахрина, Щенникова, 2005. С. 8–38]), у нас как будто бы нет сведений о попытках московских князей вывезти из столицы великого княжения церковные сокровища в свою столицу, примеры чего вообще-то известны.

На звоннице Успенского собора в пору держания Владимира суздальско-нижегородским князем Александром Васильевичем (1328–1331), находился колокол, который «соправитель Калиты по великому княжению» [Борисов, 1999. С. 267] вывез в родовой Суздаль, но колокол на новом месте «не почая звонити», и уstraшенный этим князь вернул его во Владимир [Новгородская первая летопись, 1950. С. 469]. Судя по всему, собственных колоколов Рождественский собор столицы вотчинного владения великого князя в тот момент не имел в силу их дороговизны и редкости на Руси⁶.

Совершенно иначе повел себя, по обретении великого княжения Владимирского, московский князь.

В 1329 г., примерно во время неудачной попытки суздальского суверена лишить владимирский Успенский собор колокола, в Москве Калитой, в числе

- 6 «При разграблении городов в числе военной добычи очень часто упоминаются колокола; поэтому можно судить, что колоколов было не много и ими очень дорожили» [Аристов, 1866. С. 117–118].

прочих первых белокаменных храмов, была отстроена церковь Иоанна Лествичника «иже под колоколы» [Тихомиров, 1957. С. 20–21]. Первый колокол, однако, появился на каменной московской звоннице лишь десятилетие спустя, в 1339 г., причем не собственного производства, а конфискат: «князь великий Иванъ въ Тѣри отъ святаго Спаса взялъ колоколь на Москву» [ПСРЛ. Т.15. 2000. Стб. 52] ⁷.

Заметим, что Калита, и, как ранее Александр Васильевич Суздальский, после 1331 г., года кончины последнего, распорядившийся Владимиром на правах великого князя, «взять» колокол не в Успенском соборе Владимира, а в Спасо-Преображенском соборе подчинявшейся Москве Твери.

Интересно также, что в духовных грамотах Калиты не предусмотрено ни одного вклада «по душе» в московские храмы, в том числе и выстроенные по его инициативе кремлевские, но есть единственный вклад, и он предназначался Успенскому собору Владимира, «блюдо великое серебряное о 4 колца, а то есмь даль сватѣ Богородици Володимирьской». По неясным причинам блюдо осталось после кончины завещателя в 1340 г. в Москве и было вторично завещано по духовной 1358 г. в тот же владимирский Успенский собор его сыном, великим князем Иваном Ивановичем Красным [Духовные и договорные грамоты, 1950. С. 8, 10, 16, 19].

Есть основания полагать, что владимирский Успенский собор «поновлялся» московскими суверенами, как до вхождения территории великого княжения в состав владений Калитовичей, так и позже, но до великого княжения Ивана III и «реставрационной» поездки В.Д. Ермолина. Речь идет о возвращении храму «золотых верхов» в 1340 г. и «подписании» фрескового ансамбля и украшении интерьера иконостасом в 1408 г. Сразу заметим, что о синхронных им ремонтных работах в Успенском соборе 1340 или 1408 гг. летописи не сообщают. Но и покрытие золоченой медью куполов в первом случае, и роспись храма с подготовкой для него иконостаса во втором вряд ли были совместимы с ветхим состоянием самого сооружения.

Успенский собор изначально украшали «золотые верхи», и первый, выстроенный Андреем Боголюбским, уничтоженный пожаром 1185 г. («сборнаж ц(е)ркви с(вя)таѣ Б(огороди)ца Златоверхаѣ... сгорѣ» [ПСРЛ. Т.1. 1962. Стб. 630]), и освященный в 1189 г. сменивший его второй, выстроенный Всеволодом Большое Гнездо, все пять куполов которого тоже были позолочены ⁸.

Во время погрома Владимира в феврале 1238 г. татары «Стую Бцю разграбиша» [ПСРЛ. Т.1. 1962. Стб. 463]. Летопись ничего не говорит о судьбе золоченой меди соборных куполов, но полвека спустя, в 1292 г., при ограблении

7 Первые собственные колокола будут отлиты в Москве только в 1346 г. [ПСРЛ. Т.15. 2000. Стб. 57]. Подробнее см.: [Кавельмахер, 1990. С. 76–79].

8 «Въ лѣто 6720. Преставися... великий князь Всеволодъ... положиша его въ церкви Пречистыя Богородица... юже созда братъ его Андрѣи, преже обѣ единомъ врьсѣ, потомъ же онъ пристави 4 врьхы и такоже позлати ихъ» [ПСРЛ. Т.7. 2001. С. 117–118]. Ср.: «Сии же благовѣрнии князь Всеволодъ Юрьевичъ пристави святѣи Богородици 4 верхы и позлати» [Новгородская первая летопись, 1950. С. 468].

собора «Дюденовой ратью» нападающие «выдраша» в храме пол из медных плит, «дно чюдное мѣдяное» [ПСРЛ. Т.18. 2007. С. 82]. Судя по всему, более привлекательная с материальной точки зрения золоченая медь к этому времени уже отсутствовала — «золотые верхи» собора стали трофеем армии Батыя.

Как выглядели соборные купола после 1238 г. неизвестно. В 1280 г. митрополит Кирилл «въ Володимирѣ святую Богородицю съборную покры оловомъ» [ПСРЛ. Т.16. 2000. С. 55; ПСРЛ. Т.4, часть 1. 2000. С. 244], т.е. свинцовыми пластинами ⁹, а в 1340 г. свинцовое покрытие было, в свою очередь, заменено на золоченую медь. Инициатором и ктитором работ был московский князь Симеон Иванович Гордый, в этом году получивший в Орде от хана Узбека ярлык на великое княжение Владимирское. По получении ярлыка он вместе с братьями, князьями Иваном и Андреем Ивановичами, отправился из Орды не в Москву, а во Владимир «и сѣде... на столѣ в Володимирѣ въ велицѣи и соборнѣи церкви святѣи Богородици... мѣсяца октября въ 1» [ПСРЛ. Т.18. 2007. С. 93]. Работы по замене свинцового покрытия золоченой медью велись летом этого года, и завершение их, очевидно, было приурочено к торжественной церемонии «посажения» [Лаврентьев, 2018. С. 179–200].

Символический и одновременно исполненный глубокого политического смысла жест московского князя, вернувшего Успенскому собору полтора века спустя после постройки его Всеволодом Большое Гнездо первоначальный облик «верхов», трудно переоценить. Никто из предшественников Симеона Гордого на великом княжении в послемонгольское время не был замечен в сколько-нибудь активных действиях по украшению «стольного града». Великий князь получил в 1340 г. Владимир не по наследству, а по воле ордынского «царя» и, разумеется, не имел никаких гарантий того, что великое княжение после него унаследует кто-то из Калитовичей. Тем не менее Симеон Гордый решился на первое на Руси после монгольского нашествия золочение куполов храма. Выполнили новое покрытие Успенского собора московские мастера, «дружины» великокняжеского колокольных дел мастера Бориса (Бориски) [Лаврентьев, Петров, 2019. С. 322–325].

Сами работы 1340 г. по возвращении Успенскому собору «золотых верхов» были беспрецедентны по масштабам и дороговизне. Остатки позолоченной меди, снятые с храма при реставрации конца XIX в., насчитывали 127 пудов, с которых удалось снять 9 фунтов «старого золота», и это была только часть золоченой меди XIV в., уцелевшая ко времени ремонта [Лаврентьев, 2018. С. 196].

Еще более показательным, что Симеон Гордый потратил серьезные средства на возвращение златоверхого облика владимирскому собору, в то время как все пять белокаменных храмов столицы его собственного удела, Москвы, выстроенные между 1326 и 1333 гг. отцом великого князя, Иваном Даниловичем

9 Ср. известие в редакции Владимирского летописца: «Кирилл митрополитъ покры церковь свинцомъ» [ПСРЛ. Т.30. 1965. С. 96].

Калитой, включая соименный Успенский собор, стояли в это время под свинцовыми «верхами» [Тихомиров, 1957. С. 19–21, 23–24].

Возвращение золотых верхов владимирскому Успенскому собору ставило московского князя в особое положение среди прочих князей — потомков Всеволода Большое Гнездо как прямого наследника эпохи величия древнего Владимира.

И, повторимся, нет особых сомнений в том, что общее состояние владимирского храма в 1340 г., несмотря на отсутствие летописных известий о его ремонте, не должно было вызывать беспокойства.

Другое подтверждение статуса древней столицы, Владимира, для поддержания которого московские суверены шли на серьезные траты, относится к 1408 г. и тоже совершенно не случайно связано с Успенским собором: «Мая въ 25 почата бысть подписывати велика съборная церковь пречистаа Володимеръскаа повелѣниемъ великаго князя, а мастера Данило иконник да Андрѣи Рублев» [ПСРЛ. Т. 25. 2004. С. 237].

Фрески Успенского собора Владимира, признанный шедевр древнерусского искусства, создавались известными мастерами-иконописцами, присланными из Москвы великим князем Василием Дмитриевичем. Это первый отмеченный в летописях случай создания московскими мастерами фрескового ансамбля в древней столице великого княжения в послемонгольское время и первый же датированный случай работ московских иконописцев вне столицы.

Около времени создания Андреем Рублевым и Даниилом Черным фресок Успенского собора в храме появился еще один общеизвестный шедевр древнерусского искусства, грандиозный иконостас, долгое время также связывавшийся в искусствоведческой литературе с именами работавших в 1408 г. во Владимире прославленных московских «иконников». В последнее время среди искусствоведов наметилась тенденция вывести его из числа работ Андрея Рублева. Большинство сходится на том, что иконы Владимирского иконостаса написаны, как и фрески, московскими иконописцами в 10-х гг. XV в., вопрос же об авторстве остается дискуссионным [Кочетков, 2011. С. 548]. Но, так или иначе, синхронное появление в Успенском соборе новых фресковых росписей и иконостаса вряд ли было простым совпадением.

Поводом для работ московских иконописцев во Владимире послужило, как кажется, не осознание «людей того времени» памятников владимирской архитектуры «священными как создания предков московской династии» [Воронин, 1961. С. 356], а причины иного рода, политические.

Летом того же 1408 г., когда иконописцы прибыли во Владимир, «мѣсяца июля 26 приде к великому князю... князь Литовъскы Швитригаило Олгердович служити, а с нимъ владыко Дебряньскы Исакии, да с ним же князь Патрикѣи Звенигородскы ис Путимля, князь Федоръ Александровичъ, князь Семень Перемышльскы, князь Михаило Хотѣтовскы, князь Урустай Меньскыи, и бояря Черниговъскыи и Дебряньскыи и Любутъскыи и Рославльскыи. Князь же велики Василеи Дмитриевич принять его с честью и дастъ ему град Володимеръ со всѣми волостями и с пошлыны и съ селы

и съ хлѣбомъ, тако же Переславль, по тому же и Юрьевъ Польскы и Волок Ламъскы и Ржеву и половину Коломны» [ПСРЛ. Т. 25. 2004. С. 237].

Свидригаило Ольгердович (около 1370–1452), младший брат великого князя литовского и польского короля Владислава-Ягайло занимал на родине беспрецедентно высокое политическое положение, будучи прямым претендентом на великое княжение Литовское [Полехов, 2015. С. 129–148]. Сообразно своему «политическому весу» новый «слуга» великого князя Василия Дмитриевича с многочисленной свитой и дружиной получил и беспрецедентное по масштабам «пожалование».

Действительно, данные литовскому князю города, Владимир, Переяславль-Залесский и Юрьев-Польской были, собственно, как помним, городами великого княжения Владимирского. «Щедрость великого князя (Василия Дмитриевича. — А.Л.) служит доказательством, сколь важным почитал он приобретение такого мужа», — отмечал первый биограф Свидригаило, Август Коцебу [Коцебу, 1835. С. 61–62]. Великого княжества Владимирского в 1408 г. уже давно не существовало, но в исторической памяти и политической практике Руси его территория по-прежнему оставалась, как видим, на особом положении. Во всяком случае, московская летопись дважды титулует нового держателя Владимира «великим князем» [ПСРЛ. Т. 15. 2000. Стб. 180], каковым Свидригаило в тот момент не был ни в Литве, ни на Руси.

Вопрос о политической подоплеке кратковременного «выезда» Свидригаило на Русь (литовский князь уже в конце декабря 1408 г. покинул место новой «службы» и бежал, сначала в Орду, а потом в Литву) далеко выходит за рамки настоящей статьи и безусловно заслуживает самостоятельного изучения¹⁰. Заметим только, что, если правы Н.К. Голейзовский и В.В. Дергачев, предположившие, что Даниил Черный и Андрей Рублев должны были завершить фресковые работы к Успению (15 августа), храмовому празднику владимирского Успенского собора [Голейзовский, Дергачев, 1986. С. 450.], то дата эта глубоко символична. Согласно уникальному сообщению Владимирского летописца в этот же день в 1189 г., по завершении Всеволодом Большое Гнездо строительства «священна бысть церковь соборная... августа въ 14 день кануъ Успѣния святѣи Богородици» [ПСРЛ. Т. 30. 1965. С. 77].

Трудно сказать, было ли завершение Андреем Рублевым и Даниилом Черным работ, коль справедлива такая гипотеза, связано с завершением летнего сезона (фресковые росписи в храмах, как известно, писались только в теплое время года) или же с иными обстоятельствами. Великий князь встречал

¹⁰ С.В. Полехов полагает, что причиной бегства стало примирение Василия Дмитриевича с тестем и противником Свидригаило, великим князем литовским Витовтом Кейстутевичем, следствием чего должен был стать арест московским князем своего нового «слуги» [Полехов, 2015. С. 138]. Однако между заключением московско-литовского мира и «отъездом» Свидригаило за пределы Руси прошло четыре месяца [ПСРЛ. Т. 11. 2000. С. 211], в течение которых попытки арестовать Свидригаило Василий Дмитриевич как будто бы не предпринимал.

Свидригайло в Кремле 26 июля [ПСРЛ. Т.25. 2004. С.237], и какое-то время спустя новый «слуга» Василия Дмитриевича, так или иначе, должен был отъехать с боярами, слугами и многочисленной «храброй литвой» из Москвы в пожалованный ему Владимир. Возможно, вступление нового держателя в «свою» столицу действительно приурочили к 15 августа, Успению, храмовому празднику Успенского собора. Есть все основания связывать создание Андреем Рублевым и Даниилом Черным фрескового ансамбля и иконостаса с политическими планами Москвы по передаче Владимира новому «слуге» Василия Дмитриевича, литовскому князю Свидригайло [Лаврентьев, 2020].

Таким образом, Владимир продолжал в глазах современников оставаться «мати градомь» Северо-Восточной Руси, а бывшие земли великого княжения Владимирского — священной территорией особого статуса.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. М.: УРСС, 2011. 321 с.
- Баталов А.Л. Строительство московского Успенского собора и самоидентификация Руси: К истории замысла митрополита Филиппа I // Древнерусское искусство: Византизм, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С.353–360.
- Баталов А.Л. О традиции строительства Успенских храмов в XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С.38–50.
- Борисов Н.С. Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238–1300) // Вестник Московского университета. Сер.9: История. 1976. №6. С.63–79.
- Борисов Н.С. Политика московских князей. Конец XIII — первая половина XIV века. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 206 с.
- Вахрина В.И., Щенникова Л.А. Владимирская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2005. Т.9. С.8–38.
- Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т.1: Частное землевладение. Землевладение Митрополичьего дома. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 496 с.
- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т.1. 560 с.
- Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука, 1989. 226 с.
- Голейзовский Н.К., Дергачев В.В. Новые данные об иконостасе 1481 года из Успенского собора Московского Кремля // Советское искусствознание. 1986. Вып.20. С.445–470.
- Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 213 с.
- Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М.: Наука, 2016. 285 с.
- Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М.: Наука, 1975. 518 с.
- Данилевский И.Н. Загадки русской земли // Знание — сила. 1997. №11. С.100–105.
- Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М.: Аспект-Пресс, 2000. 388 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 594 с.
- История русского искусства / Под общ. ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т.3. 746 с.

- Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы XVI — первой половины XVII века // Колокола. История и современность. 1990. М.: Наука, 1993. С.75–118.
- Коцебу А. Свидригайло, великий князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб.: Тип. Медицинского департамента Министерства Внутренних дел, 1835. 236 с.
- Кочетков И.А. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М.: Индрик, 2011. 1104 с.
- Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. Т.2. 435 с.
- Кузьмин А.В. Митрополичья область // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2017. Т.45. С.436–440.
- Куприянова Н.Э. Владимирская и Суздальская епархия // Православная Энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2005. Т.9. С.38–61.
- Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. ст. М.: Наука, 1980. С.26–112.
- Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 333 с.
- Лаврентьев А.В. Гроза во Владимире 13 июля 1340 г. и кровельные работы в Успенском соборе // Вертоград многоцветный. Сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С.179–200.
- Лаврентьев А.В. К истории появления фресок Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе Владимира // Российская история (в печати).
- Лаврентьев А.В., Петров Д.А. Возведение церкви Благовещения на Городище в Новгороде в 1342–1343 гг. и политика великого князя Симеона Гордого // Архитектурная археология. 2019. №1. С.318–334.
- Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески. М.: Искусство, 1973. 112 с.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 499 с.
- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2009. 619 с.
- Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.
- Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е гг. XV в. М.: Индрик, 2015. 712 с.
- Полное собрание русских летописей. Т.1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962.
- Полное собрание русских летописей. Т.4, часть 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Полное собрание русских летописей. Т.7: Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Полное собрание русских летописей. Т.11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Полное собрание русских летописей. Т.15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Полное собрание русских летописей. Т.16: Летопись Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Полное собрание русских летописей. Т.18: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007.
- Полное собрание русских летописей. Т.20, часть 1: Львовская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910.
- Полное собрание русских летописей. Т.23: Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Полное собрание русских летописей. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965.
- Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–47.) 136 с.
- Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Часть 1: Памятники XI–XV вв. СПб.: Тип. М. А. Александрова. 1908.
- Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М.: Изд-во Московского университета, 1959. 237 с.
- Семенченко Г. В. О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // Археографический ежегодник за 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 53–57.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 476 с.
- Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 317 с.
- Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. (історико-топографічні нариси). Київ: Альтернативи, 1996. 272 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Владимир-на-Клязьме и художественная жизнь Москвы XIV–XV веков

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаврентьев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Мясницкая, д. 20. laurentius@list.ru

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается вопрос о влиянии художественной жизни Москвы середины XIV — начала XV в. на состояние и судьбу памятников домонгольского времени на землях Великого княжества Владимирского. Успенский собор Владимира-на-Клязьме, постоянно пребывав в фокусе политической жизни великого князя Ивана Калиты и его потомков. Возвращение московскими мастерами храму златоверхого покрытия, появление здесь фресковых росписей и иконостаса кисти московских иконописцев, сохранение и преумножение московскими князьями храмовой казны Успенского собора демонстрируют особое место Владимира-на-Клязьме, второй на Руси после Киева «матери градов».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Владимир-на-Клязьме, Москва, архитектура, фрески, Успенский собор, Андрей Рублев, Свидригайло Ольгердович, Василий Ермолин.

TITLE

Vladimir upon Klyazma and the artistic life in Moscow of 14th–15th centuries

AUTHOR

Lavrentyev, Alexandr Vladimirovich — PhD, Associate Professor, National Research University-Higher School of Economics, 101000 Moscow, Myasnitckaya 20. laurentius@list.ru

ABSTRACT

The article discusses the impact of the artistic life of Moscow in the mid-14th — early 15th centuries on the condition and fate of the monuments of pre-Mongol time on the lands of the Grand Duchy of Vladimir. Assumption Cathedral of Vladimir upon Klyazma constantly remained in the focus of the political life of Grand Duke Ivan Kalita and his descendants. The domes of the Cathedral being regilded by Moscow masters, the frescoes and the iconostasis being made by Moscow painters and the temple treasury being preserved and increased by the Moscow princes demonstrate the special place of Vladimir upon Klyazma as the second “mother of cities” in Russia after Kiev.

KEYWORDS

Vladimir upon Klyazma, Moscow, architecture, frescoes, Assumption Cathedral, Andrey Rublev, Svidrigailo Olgerdovich, Vassily Ermolin.

REFERENCES

- Aristov N. Ia. *Promyshlennost' Drevnei Rus (Industry of Old Rus)*. Moscow, URSS Publ., 2011. 321 p. (in Russian).
- Batalov A. L. Construction of the Moscow Assumption Cathedral and the Self-Identification of Russia: On the History of the Plan of Metropolitan Philip I. *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantia, Rus', Zapadnaya Evropa. Iskusstvo i kultura*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 353–360 (in Russian).
- Batalov A. L. O traditsii stroitel'stva Uspenskikh khramov v XVI v. (On the Tradition of Building Assumption Churches in the 16th century). *Drevnerusskoe iskusstvo. Russkoe iskusstvo pozdnego srednevekov'ia: XVI vek (Old Russian Art. Late Medieval Russian Art: 16th century)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 38–50 (in Russian).
- Borisov N. S. *Politika moskovskikh kniazei. Konets XIII — pervaiia polovina XIV veka (The Policy of the Moscow princes. Late 13th — first half of 14th century)*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1999. 206 p. (in Russian).
- Borisov N. S. Russian Architecture and Tatar Mongol Yoke (1238–1300). *Vestnik Moskovskogo universiteta (Moscow State University Bulletin)*. Series 9. History. 1976, no. 6, pp. 63–79 (in Russian).
- Cherepnin L. V. (ed.) *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv. (Testaments and contractual charters of the great and appanage princes of the 14th — 16th centuries)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1950. 594 p. (in Russian).
- Danilevskii I. N. *Riddles of the Russian Land. Znanie — sila (Knowledge is Power)*, 1997, no. 11, pp. 100–105 (in Russian).
- Danilevskii I. N. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov. XII–XIV vv. (Russian Lands Through the Eyes of Contemporaries and Descendants. 12th–14th centuries)*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2000. 388 p. (in Russian).

Goleizovskii N.K., Dergachev V.V. New Information about the Iconostasis of 1481 from the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. *Sovetskoe iskusstvoznanie (Soviet Art Studies)*, 1986, Issue 20, pp. 445–470 (in Russian).

Gorskii A.A. *Moskva i Orda (Moscow and Horde)*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 213 p. (in Russian).

Gorskii A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiia (Russian Lands in the 13th–14th centuries: Course of Political Development)*. Moscow, Nauka Publ. 2016. 285 p. (in Russian).

Grabar I.E., Kemenov V.S., Lazarev V.N. (eds.) *Istoriia russkogo iskusstva (History of Russian Art)*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1955, vol. 3. 746 p. (in Russian).

Grekov I.B. *Vostochnaia Evropa i upadok Zolotoi Ordy (Eastern Europe and the Decline of the Golden Horde)*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 518 p. (in Russian).

Ivakin G.Iu. *Istorichnii rozvitok Kieva XIII – seredini XVI st. (istoriko-topografichni narisi) (The Historical Development of Kiev in the 13th – Middle 16th Centuries. Historical and Topographical Essays)*. Kiev, Alternativni Publ., 1996. 272 p. (in Ukrainian).

Kavel'makher V.V. Big Bells of Moscow of the 16th – first half of 17th Centuries. *Kolokola. Istoriia i sovremnost'.1990 (Bells. History and Modern Time)*. Moskva, Nauka Publ., 1993, pp. 75–118 (in Russian).

Kochetkov I.A. *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vekov (Dictionary of Russian Icon Painters. 11th–12th centuries)*. Moscow, Indrik Publ., 2011. 1104 p. (in Russian).

Kotsebu A. *Svitrigailo, velikii kniaz' Litovskii, ili Dopolnenie k istoriiam Litovskoi, Rossiiskoi, Pol'skoi i Prusskoi (Svitrigailo, Grand Duke of Lithuania, or Addition to the Lithuanian, Russian, Polish and Prussian History)*. Saint Petersburg, V Tipografii Meditsinskogo departamenta Ministerstva Vnutrennikh del Publ., 1835. 236 p. (in Russian).

Kuchkin V.A. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv. (The Formation of the State Territory of North-Eastern Rus' in the 10th–14th centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1984. 333 p. (in Russian).

Kuchkin V.A. Russian Principalities before the Battle of Kulikovo Field. *Kulikovskaia bitva. Sbornik statei (Kulikovo Battle. Collection of Articles)*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 26–112 (in Russian).

Kupriianova N.E. Vladimir and Suzdal Diocese. *Pravoslavnaia Entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2005, vol. 9, pp. 38–61 (in Russian).

Kuz'min A.V. Mitropolitan Domian. *Pravoslavnaia entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2017, vol. 45, pp. 436–440 (in Russian).

Kuz'min A.V. *Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. (On the Way to Moscow. Essays on the Genealogy of the Military Nobility of the North-Eastern Rus' in the 13th – middle 15th centuries)*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2015, vol. 2. 435 p. (in Russian).

Lavrent'ev A.V. K istorii poiavleniia fresok Andreia Rubleva i Daniila Chernogo v Uspenskom sobore Vladimira (On the History of the Appearance of Frescoes by Andrei Rublev and Daniil Cherny in the Assumption Cathedral of Vladimir). *Rossiiskaya Istoria (Russian History)*. 2020 (in print).

Lavrent'ev A.V. Thunderstorm in Vladimir on July 131340 and Roofing in the Assumption Cathedral. *Vertograd mnogotsvetnyi. Sbornik k 80-letiiu Borisa Nikolaevicha Flori (Vertograd multicoloured: dedicated to the eightieth anniversary of Boris N. Florya)*. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 179–200 (in Russian).

Lavrent'ev A.V., Petrov D.A. The Erection of the Church of the Annunciation on Gorodische in Novgorod 1342–1343 and Politics of Grand Duke Simeon the Proud). *Arkhitekturnaia arkhologiiia (Architectural archaeology)*, 2019, no. 1, pp. 318–334 (in Russian).

Lazarev V.N. *Drevnerusskie mozaiki i freski (The Old Russian Mosaics and Frescoes)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973. 112 p. (in Russian).

Likhachev D.S. *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie (Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. 499 p. (in Russian).

Nasonov A.N. *Mongoly i Rus'. Istoriia tatarskoi politiki na Rusi (Mongols and Rus'. The History of Tatar Politics in Rus')*. Moskva, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1940. 178 p. (in Russian).

Nasonov A.N. (ed.) *Novgorodskaiia pervaiia letopis' starshego i mladshego izvodov (The first Novgorod chronicle of the older and newer editions)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1950. 642 p. (in Russian).

Nazarenko A.V. *Drevnaia Rus' i slaviane (Old Rus' and the Slavs)*. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2009. 619 p. (in Russian).

Polekhov S.V. *Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaia voina v Velikom kniazhestve Litovskom v 30-e gg. XV v. (The Heirs of Vitautas. Dynastic War in the Grand Duchy of Lithuania in the 1430s)*. Moscow, Indrik Publ., 2015. 712 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 1: Lavrent'evskaia letopis' i Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskomu spisku (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 1: Laurentian chronicle and Suzdal chronicle according to the Academic copy). Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury Publ., 1962 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 4/1: Novgorodskaiia chetvertaia letopis' (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 4, part 1: the Fourth Novgorod chronicle). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 7: Letopis' po Voskresenskomu spisku (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 7: Chronicle according to the Voskresensky copy). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 11: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu (Complete collection of Russian Chronicle, vol. 11: a Chronicle collection called the Patriarchal or Nikon chronicle). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 15: Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 15: Rogozhsky chronicle. Tver collection). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 16: Letopis' Avraamki. (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 16: Chronicle Collection called the Abrahamka's Annals). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 18: Simeonovskaia letopis' (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 18: Simeonovskaya Chronicle). Moscow, Znak Publ., 2007 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 20/1: L'vovskaia letopis' (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 20, part 1: Lviv chronicle). Saint Petersburg, Tipografiia M.A. Aleksandrova Publ., 1910 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 23: Ermolinskaia letopis' (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 23: Yermolinskaya Chronicle). Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 25: Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka. (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 25: Moscow chronicle of the end of the 15th century). Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei, 30: Vladimirskii letopisets. Novgorodskaiia vtoraiia (Arkhivskaia) letopis' (Complete collection of Russian Chronicles, vol. 30: Vladimir the Chronicler, the second Novgorod (Archive) chronicle). Moscow, Nauka Publ., 1965 (in Russian).

Rappoport P.A. *Russkaia arkhitektura X–XIII vv. Katalog pamiatnikov. Arkheologiiia SSSR. Svod arkhelogicheskikh istochnikov. Vyp. E 1–47 (Russian Architecture of 10th–13th centu-*

- ries. *Catalog of Monuments. Archeology of the USSR. Corpus of Archaeological Sources*, vol. E1-47). Leningrad, Nauka Publ., 1982. 136 p. (in Russian).
- Russkaia istoricheskaia biblioteka, vol. 6: *Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Chast' 1. Pamiatniki XI–XV v. (Russkaia istoricheskaia biblioteka. T. 6) (Monuments of Old Russian Canon Law. Part 1. Monuments of the 11th–15th century. (Russian historical library, vol. 6))*. Saint Petersburg, Tipografiia M.A. Aleksandrova Publ., 1908 (in Russian).
- Sakharov A.M. *Goroda Severo-Vostochnoi Rusi XIV–XV vekov (Cities of North-Eastern Rus' of the 14th–15th Centuries)*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1959. 237 p. (in Russian).
- Semenchenko G.V. On the Chronology of Some Charters Mentioning the «Grand Duke» Ivan III Vasilyevich. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1983 g.* Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 53–57 (in Russian).
- Tikhomirov M.N. *Drevnerusskie goroda (Towns of Old Rus')*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1956. 476 p. (in Russian).
- Tikhomirov M.N. *Srednevekovaia Moskva v XIV–XV vekakh (Medieval Moscow in 14th–15th Centuries)*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1957. 317 p. (in Russian).
- Vakhrina V.I., Shchennikova L.A. Icon of Our Lady of Vladimir. *Pravoslavnaia entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2005, vol. 9, pp. 8–38 (in Russian).
- Veselovskii S.B. *Feodal'noe zemlevladienie v Severo – Vostochnoi Rusi. T. 1: Chastnoe zemlevladienie. Zemlevladienie Mitropolich'ego doma (Feudal Land Tenure in North-Eastern Rus', vol. 1: Private Land Ownership. Land Ownership of Metropolitan Estate)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. 496 p. (in Russian).
- Voronin N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov (Architecture of North-Eastern Rus' of 12th–15th centuries)*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1961, vol. 1. 560 p. (in Russian).
- Vygolov V.P. *Arkhitektura Moskovskoi Rusi serediny XV veka (Architecture of Moscow Rus' of the 15th century)*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 226 p. (in Russian).

И.А. Стерлигова

Резные иконы митрополита Виссариона в Музеях Ватикана: к истории русско-итальянских связей в XV веке

© 2020

УДК 7.03:7.023.1-035.56(470:450)"14"
ББК 85.12

Поступила в редакцию 6.04.2020

Несколько лет назад доктор Симона Моретти обратила наше внимание на две парные плакетки из ватиканского историко-художественного музея «Сокровищница собора Святого Петра», в деревянную основу которых вмонтированы рельефные образы Христа, Богородицы и святых, выполненные из моржовой кости, и любезно прислала нам их фотографии. Вплоть до недавнего времени кость рельефов считалась слоновой, что предопределяло их безусловную связь с Византией, где в X–XI вв. процветала такого рода резьба. Исследователи видели отличия рельефов от «классических» византийских и относили их к XIV в., или, по крайней мере, к фазе упадка резьбы по слоновой кости, начавшейся уже в конце XII в., а также предполагали, что первоначально они являлись частями диптиха или триптиха, потому что такое устройство портативных икон для личной молитвы было традиционным для Византии. Краткую характеристику художественных достоинств рельефов дал лишь Ф.С. Орландо, отметивший тонкую фактуру резьбы и одновременно неблаговидность лиц и неоправданность складок одеяний. Надписи трактовались в путеводителях как плохо сохранившиеся греческие [Cascioli, 1925. P. 25; Lipinsky, 1950. P. 51–52; Orlando, 1958. P. 63, Tav. 53; Il Tesoro, s.d. P. 12]. В буклетах для туристов и аудиогuidaх по Сокровищнице фигурировали также более ранние (XI–XII вв.) и более широкие датировки (XI–XIV вв.), в настоящее время в этикетке указана дата «XII в.».

Уже в Путеводителе по Сокровищнице 1925 г. эти плакетки связаны с именем Виссариона, митрополита Никейского и кардинала Римской церкви, но лишь Симона Моретти документально подтвердила эту связь [Moretti, 2014/1. P. 289–298; Moretti, 2014/2. P. 20, 22–23, nota 42; Moretti, 2014/3. P. 677–691; Moretti, 2019]. Кириллические надписи позволили ей в 2014 г. выдвинуть предположение, что фигуры резной кости были сделаны в первой половине XV в. греческими